

скоро отказывается от метафизических оснований своих методологических положений. Последние, таким образом, «повисают в воздухе». Эта неизбежная догматичность «освободившейся» от философии науки, ее нерелексивность (несмотря на весь ее «организованный скептицизм») и констатируется в известном высказывании М.Хайдеггера «Наука не мыслит». Именно отказ от опоры на «недостовверные» философские положения обнаруживает невозможность существования мысли в герметичном пространстве узко понятой «научной рациональности».

В контексте этого вновь открывшегося обстоятельства и имеет смысл вернуться к вопросу о возможности ставить знак равенства между философией и наукой и о роли принципиально венаучного философского мышления в существовании и развитии конкретных наук. Новая, «парадоксальная» рациональность (В.Н.Порус), включающая в себя понимание принципиальной внелогичности истока всякой мысли, выстраивает отношения философии и науки совершенно по-новому. Философия понимается теперь как работа на границе мыслимого и немислимого, как деятельность по извлечению «порядка из хаоса». В свою очередь, наука обнаруживает внутри своего «непрерывного» теоретического поля неустранимые разрывы, лакуны, провалы. Необходимость подобных «перерывов постепенности» как раз и свидетельствует прежде всего о том, что философия оказывается насущной для науки именно в своей принципиальной венаучности. Натываясь в ходе последовательного разворачивания определенных теоретических положений на неизбежные тупики и противоречия, наука вынуждена выйти в парадоксальное пространство философии, внелогичность которого как раз и становится условием становления нового Логоса.

Н.Г. Баранец  
Ульяновск

## ОБ ЭТОСЕ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО СООБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Любой вид знания существует благодаря функционированию соответствующего познавательного (эпистемического) сообщества, в котором есть механизм социализации индивида, включающий систему коммуникации и воспроизводства членов, причем

степень организации и эффективность функционирования этих механизмов зависят от тех организационных форм, в которые объединяются представители данного эпистемического сообщества. Эпистемическое сообщество в философии можно считать возникшим с появлением первых философов, которые были объединены в философские школы и религиозно-философские союзы.

*Философское сообщество является уровнем организации эпистемического сообщества в философии, которому присущи определенные формы организации (школа, кафедра по философской дисциплине, учебный и научно-исследовательский семинар, научно-философское общество, коммуникативная группа), в которых удовлетворяется потребность в коммуникации членов философского сообщества, в трансляции и воспроизводстве философской традиции.* Социальные институты, которые позволяют функционировать философскому сообществу, появляются с введением философии в систему университетского образования в качестве учебной дисциплины. Утверждать, что философское сообщество сформировалось, выделившись из научного и университетского сообщества как самостоятельная его часть, можно только с момента дисциплинаризации философских курсов. Эти курсы должны читаться квалифицированными специалистами в этой области, а коммуникацию между ними обеспечивают профессиональные журналы.

Эпистемическая система в философии «задается» общностью понимания образа философии и наличием определенной социальной структуры, которая обеспечивает воспроизводство философской традиции, так как организует механизмы трансляции и коммуникации через систему социально установленных норм и образцов поведения — философский этос, действие которого усиливается по мере оформления философского сообщества.

*Этос философского сообщества* является производной частью этоса научного сообщества, но имеет свою специфику, связанную с моделирующим влиянием представлений членов философского сообщества об особенностях философского творчества. Нормативно-ценностная система проявляется в признании легитимными определенных способов аргументационных конструкций в общей системе критериев оценки креативности в требованиях, которые предъявляются к оформлению текстов, представляющих результаты креативности.

В этой статье представим, как воспринимались нормы организованного скептицизма и всеобщности в отечественном философском сообществе на рубеже XIX—XX веков.

В научном сообществе норма *организованного скептицизма* проявляется в установке предельной самокритичности в оценке собственных достижений и участии в рациональной критике имеющегося знания. Эта норма создает атмосферу ответственности, институционально подкрепляет профессиональную честность ученых, предписываемую им нормой бескорыстия. Ученый должен быть готов к критическому восприятию своего результата.

Когда можно считать, что норма организованного скептицизма была осознана и стала действовать в философском сообществе? Естественно, де-факто она действовала с момента, когда сложились достаточно независимые условия в жизни философского сообщества и оно смогло функционировать, регулируя свою деятельность самостоятельно, без вмешательства чиновников в полемику по концептуальным проблемам, то есть в 70—80-е годы XIX века. До этого периода, пока не наладилась система диспутов при защите диссертаций, не возникли профессиональные журналы, условий для реализации этой нормы не было. Примеров полемики с формулированием принципов научной критики в 1980-х годах было достаточно. Так, А.И. Холмский в брошюре «Пессимизм и quasi-научная критика. Несколько замечаний на брошюру проф. философии в Новороссийском университете Н.Я. Грота: О научном значении пессимизма и оптимизма как мировоззрения» (Одесса, 1884) перечислил, каких требований должен придерживаться критик: «1) знать предмет, о котором берется судить; 2) правильно и верно передавать чужие мнения; 3) подтверждать свои положения фактами из области наук положительных, а не сравнениями и анекдотами или положительными ссылками на науку; 4) избегать логических ошибок и противоречий в доказательстве; 5) высказывать свои положения в определенных, не допускающих двусмысленности выражениях» [1].

А вот сформулирован был императив *организованного скептицизма*, полагаю, в работе Г.Е. Струве «Энциклопедия философских наук и направлений с введением в философию» (Варшава, 1890). «Всякое знание становится научным только на основании предварительной критики... Философ не признает истинными никаких положений ни по отношению к уму и его познавательным процес-

сам, ни по отношению к действительности без предварительного критического разбора их содержания... Критика по существу своему требует от каждого истинного мыслителя: во-первых, при познании вещей не делать, если возможно, никаких догматических предположений, или по крайней мере ограничить число оных до возможного для нас человеческого минимума; и, во-вторых, давать себе ясный отчет в содержании своих предположений и подвергать оные строгому анализу... оба эти требования признают, я думаю, как рационалисты, так и эмпирики, как идеалисты, так и позитивисты. Правда, что взгляд их на эти требования? как и на способ их осуществления, может быть различен; но эти требования сами по себе не могут быть ими отвергнуты, если критика и истина для них важнее, чем частные интересы той или другой философской школы... Но в чем же обнаруживается это основное критическое стремление всякой истинной философии? Главным образом в надлежащем применении и употреблении начал сомнения... Известно, что со времен Декарта сомнение играет очень важную роль в развитии философии; и действительно, оно ... и есть тот умственный процесс, на основании которого философ при познании вещей ограничивает по возможности догматические предположения. Каждое догматическое предположение перестает быть догматическим и принимает совсем иной характер, когда оно подвергается сомнению. Догматическое предположение само по себе есть теза, сомнение же превращает каждую тезу в гипотезу. Догматическое предположение само по себе высказывается всегда в форме положения категорического, вследствие же сомнения каждое категорическое положение становится проблематическим.. Только на основании предварительного сомнения ум человеческий ищет доказательства для подкрепления своих взглядов и достигает достоверного познания» [2].

Норма *всеобщности* заключается в том, что результаты научной деятельности рассматриваются как продукт социального сотрудничества и являются общим достоянием научного сообщества, в котором доля индивидуального творчества строго ограничена личными открытиями.

Совершенно очевидно: то, что оригинально для автора, может не быть таковым в проекции философской традиции. Оригинальность философской системы складывается из трех аспектов: субъективного — когда сам автор оценивает, насколько новыми

являются высказанные им идеи; объективного — исследователями определяются содержательный уровень философского произведения, то есть оригинальность сформулированных идей, новизна предлагаемого концептуализирования в предлагаемой области философского знания; историко-объективного — оцениваются в исторической перспективе эвристичность, культурный резонанс и историческая востребованность философского произведения. Только по истечении значительного срока профессиональные исследователи философской традиции могут сделать заключение о влиянии философской системы и ее исторической оригинальности и значимости.

Проблема оригинальности имеет социальную проекцию в виде *проблемы приоритета*. Нельзя сказать, что в отечественном философском сообществе были частыми споры о приоритете, но тем не менее они имели место. Например, письменная дискуссия между М. Остроумовым и Н. Пясковским на страницах «Вопросов философии и психологии» в 1894 году. М. Остроумов выпустил книгу «О физиологическом методе в психологии», на которую Н. Пясковский не сослался в речи, произнесенной на VIII съезде естествоиспытателей и врачей, затем опубликованной в «Вопросах философии и психологии». М. Остроумов приводит серию цитат, сопоставляя их со своей книгой, и доказывает, что речь Н. Пяковского есть «краткий, отрывочный пересказ “своими словами” третьей главы моей книги» [3]. Он сетует на «нефилософскую манеру» Н. Пяковского, «нефилософский способ» в пользовании его книгой.

На это Н. Пяковский ответил: «На основную идею моей речи меня натолкнуло сочинение базельского профессора Бунге, а никак не сочинение профессора Остроумова. Правда, что основная идея доброй половины моей речи имеет поразительное сходство с основной идеей всего сочинения профессора Остроумова, но это произошло вовсе не потому, что я яко бы похитил его мысли и их “выдаю” за свои. Не скрою, что я при составлении своей речи пользовался и трудом профессора Остроумова, но ведь я точно так же пользовался и вашим сочинением “Душа в связи с современным учением о силе” и соч. Ланге, Страхова, Бунге, Льюиса, Вундта и др.» [4].

В свою очередь, приведя серию цитат, должных указать, что сам М. Остроумов не высказал ничего оригинального, Н. Пяков-

ский все же признает: «Итак, я чистосердечно признаю перед почтенным профессором Остроумовым, что его сочинением я пользовался, но только лишь по прочтении Бунге, сочинение которого и подало идею речи. Пользовался я его сочинением в меньшей мере, чем другими авторами, на которых я выше ссылался и о которых я точно так же упустил упомянуть, как и о проф. Остроумове... Да будет известно почтенному профессору, что это пользование сочинениями различных авторов, и упомянутых мною, и не упомянутых, не было целью моей речи (а лишь средством), так как речь моя выражала главным образом идею и горячее мое желание пропагандирования необходимости кафедры психологии и философии для медицинского и математического факультетов... Что же касается моей “нефилософской манеры”, “того нефилософского способа”, о котором упоминает проф. Остроумов, то ведь каждый автор любого учебника по любой науке, где неминуемо приводятся открытия и идеи, не принадлежащие автору учебника, сплошь и рядом выражается точно так же, как и я: “я не могу не дополнить”, “я постараюсь показать”, “я пойду далее” и т.д. В любом компилятивном произведении можно встретить подобные выражения» [5].

Резюмировал спор Н.Я. Грот, выразив мнение редакции. Он отметил, что ссылки на используемые сочинения должны быть, так как это уже сложившийся литературный обычай, и все же данный спор о приоритете сомнителен, так как сам М. Остроумов не высказал совершенно новых мыслей: «Редакция во всяком случае не может не пожалеть, что д-р Пясковский не успел *за три года*, в течение которых речь его лежала у него без всякого движения, сделать в своей статье, перед отправлением ее в редакцию журнала, ссылок на сочинения, из которых он заимствовал не только все свои мысли (как сам говорит), но и цитаты. Сама редакция, конечно, не имеет возможности проверять с этой стороны все доставляемые ... статьи и должна полагаться на знакомство своих сотрудников с литературными обычаями... В настоящем случае необходимо, однако, заметить, что дело едва ли идет о каких-нибудь важных открытиях и совершенно новых мыслях» [6]. Труд М. Остроумова только систематизирует те мысли, которые высказываются современными философами и физиологами.

Оригинальность философской работы должна быть признана не только самим автором, но и референтным окружением.

*Исследование поддерживалось грантом Президента Российской Федерации МД – 963.2007.6.*

1. Холмский А.И. Пессимизм и quasi-научная критика. Несколько замечаний на брошюру проф. философии в Новороссийском университете Н.Я. Грота: О научном значении пессимизма и оптимизма как мировоззрения. Одесса, 1884. С. 59—60.
2. Струве Г. Энциклопедия философских наук и направлений с введением в философию. Варшава, 1890. С. 75—76.
3. Остроумов М.А. Письмо к редактору // Там же. С. 321.
4. Пяковский Н.Я. Письмо к редактору // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 22. С. 322
5. Там же. С. 324.
6. Грот Н.Я. Заметка редактора // Там же. С. 325.

Н.Г. Баранец, О.В. Ершова  
Ульяновск

## ДИСКУССИЯ О НОРМАХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

На рубеже XIX—XX веков происходила активная дискуссия между метафизическими и трансцендентальными идеалистами о специфике философского творчества и нормах, которые его определяют. Само появление дискуссии о нормах философствования свидетельствует о том, что разность критериев оформления и оценки философского творчества была обусловлена на данном этапе развития философского сообщества различностью понимания сущности философии, а также становящимся характером этих критериев. Следовательно, различие в концептуальных положениях, влияющих на всю систему критериев, являлось одной из причин, сдерживающих становление универсальных, общезначимых норм для любого философского направления.

Так, например, расхождение метафизических идеалистов и неокантианцев в приоритетности критерия оригинальности и критичности препятствовало становлению этих норм как взаимодополняющих, а не взаимоисключающих. В данных дискуссиях наблюдается также тенденция к становлению в сознании членов философского сообщества норм универсализма, требующих при обосновании философской концепции руководствоваться общими критериями и правилами доказательности.